

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ИСТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА

Н.А. Харченко – канд. ист. наук, проф.

In given clause (article) the basic attention is given the analysis of a condition of information culture in a history of Kyrgyzstan. All branches of a historical science are considered (examined) as components of a uniform information complex, and all historical sources as bearing (carrying), storing (keeping) and transmitting the information.

Понятие информационной культуры в настоящее время насчитывает очень много определений, и это связано прежде всего с тем, что ее проблемами занимаются представители самых разных наук, как естественно-технических, так и гуманитарных: физики, химики, информатики, философы, историки, экономисты и др. В связи с этим возникла и новая наука – информациология, являющаяся итогом междисциплинарных исследований, – “генерализационно единая наука обо всех информационных явлениях, микро- и макродинамических процессах природы, общества и Вселенной в целом” [1].

Что касается исторических исследований, то, на наш взгляд, наиболее приемлема следующая дефиниция: “Информационная культура характеризует уровни развития конкретных обществ, народностей, наций, а также специфических сфер деятельности (например, культура труда, быт, художественная культура). Информационная культура неразрывно связана со второй (социальной) природой человека. Она является продуктом его творческих способностей, выступает содержательной стороной субъект-субъектных и объект-объектных отношений, зарегистрированных при помощи различных материальных носителей” [2].

Многие исследователи, изучающие историю информационной культуры, пришли к выводу, что информация, как и другие чисто

культурные феномены, зависит от технологии. Д.С. Робертсон рассматривает эту зависимость как пять информационных революций. Первая была связана с изобретением языка, вторая – письменности, третья – с книгопечатанием, четвертая – с созданием электронных средств информации, и, наконец, пятая – компьютерная революция. Постоянно совершенствовались и материальные носители информации: камень, кость, глина, медь, бронза, пергамен, береста, бумага и, наконец, машиночитаемые носители. Исторический опыт показывает, что информация или ее отсутствие всегда играли важную роль в развитии истории и культуры. А потому изучение информационной культуры, понимание роли информации в развитии социума обязательно должно включать и анализ исторической ретроспективы. Сегодня уже не требует доказательств то, что все стороны человеческой жизни являются частью информационной сферы. От глубокой древности до современности “восприятие человеком пространства и времени, осознание себя в пространственно-временной метрике бытия было и остается по своим механизмам и средствам сугубо информационным процессом” [3]. Это убедительно подтверждается и историческим опытом. Информационные потоки становятся основой диахронного и синхронного развития культуры. Обмен информацией с обратной связью обеспечивает синхронное движение

информации, а диахронное – гарантирует передачу информации от поколения к поколению [4]. В данной статье основное внимание уделяется диахронному измерению информационной культуры в истории Кыргызстана. Все отрасли исторической науки рассматриваются как составляющие единого информационного комплекса, а все исторические источники – как несущие, хранящие и передающие информацию.

Об особенных чертах информационной культуры можно судить по элементам традиционной материальной культуры, фольклора, продуктам народных промыслов, произведениям народного искусства. Анализируя данные, представленные в трудах известных историков Кыргызстана, можно привести много примеров, характеризующих этот фактор. Более того в них четко прослеживается историческая направленность развития понятия “информация” как сообщения о фактах, событиях, ранее неизвестных объектах, их содержательное описание, постоянное стремление к уменьшению неопределенности. Рассматриваются и спорные моменты в разных вопросах (например, о происхождении этноса, языка, о государственности), показывающие меру разнообразия, отраженное разнообразие, самое главное, дающие возможность получать, передавать и порождать другое знание, так как умение анализировать и сопоставлять различные точки зрения – основа обдуманного постижения прошлого. Исторически в изучении Кыргызстана использовались различные источники информации: мифы, памятники культуры и искусства, нарративные письменные документы, записки и отчеты путешественников и ученых, посещавших Кыргызстан, многочисленные архивные собрания. Эта довольно разрозненная информация, научно осознанная с точки зрения специфических этнических особенностей, сегодня представлена в синтезированном виде не только в ряде книг отдельных ученых, но и сборников, трудов энциклопедического характера. В плане поставленной темы очень интересны издания института востоковедения АН СССР и института истории АН Кыргызстана, вводящие в информационное поле в синтезированном виде

большой пласт накопленных знаний об историческом прошлом кыргызского народа [5].

Почти все исторические исследования пытаются решать какие-то проблемы “информационных барьеров”, среди которых немаловажную роль в постижении истории играют экономические, терминологические, технические, языковые, а часто и государственно-политические барьеры. Под экономическими и техническими барьерами имеются в виду те случаи, когда отсутствие финансовых средств и технического обеспечения мешает добытию информации для подтверждения поставленных гипотез и получения более достоверных материалов.

Что касается терминологических информационных барьеров, то ученые, исследующие историю Кыргызстана, довольно часто обращаются к их объяснению: “Нередко различие точек зрения на этнические процессы, связанные со сложением киргизской народности, является результатом нечеткости и разнобоя в терминологии, причем это касается и этнических, и социальных, и географических понятий” [6]. И далее: «Термин “тюрк” (“турк”) в разные периоды имел неодинаковые значения. Первоначально он употреблялся как название родоплеменной верхушки, затем подвластных ей племенных группировок и позднее – государственного объединения (каганата)» [7].

Готовя к изданию “Материалы по истории киргизов и Киргизии”, ответственный редактор сборника, состоящего из переводов извлечений арабских, персидских, ферганских и кашгарских источников X–XIX вв., В.А. Ромадин был озабочен языковыми барьерами и предупреждал пользователей предоставляемой информации о необходимости прочтения предисловий, написанных переводчиками. Он писал, что при комплектовании сборника “...мы стремились использовать новый материал (неизвестные и малоизвестные рукописи) и обеспечить надежность текстов, положенных в основу для переводов (привлекались новые издания и лучшие рукописные списки), чтобы дать исследователям истории киргизов и Киргизии сведения из труднодоступных источников” [8].

На протяжении многих лет в республике совершенствуются технологии создания археологической информации. Они охватывают

все этапы и стадии формирования первичных данных, сопровождающих процессы полевых и камеральных археологических исследований, включая работу с документальными источниками и описание находок. Наиболее важными критериями целесообразности подобных технологий является стремление к полноте, достоверности и адекватности (свойство информации) формируемых в исследовательском процессе данных.

Информационная культура в истории как науки – это, в первую очередь, отношение к документу – “информации, зафиксированной на материальном носителе и распространяемой во времени и пространстве”.

Благодаря усилиям археологов открыты ценнейшие находки истории прошлого Кыргызстана. Выдающиеся памятники этого огромного художественного наследия древности и средневековья демонстрировались на выставке в залах Эрмитажа в Ленинграде. В предисловии к каталогу выставки известный писатель Ч. Айтматов подчеркнул ее информационную значимость: “Эти предметы запечатлели в себе бессмертие и преемственность человеческой мысли во времени и пространстве. По ним мы судим теперь о том, что было и как было до нас на нашей земле – о смене культур, развитии истории, об уровне искусства” [9].

Предметы искусства относятся к высокоинформационно насыщенным источникам изучения интеллектуальной и духовной сфер жизни. С одной стороны, они несут творческую информацию, как заметил Ф.В. Поярков, увидевший много каменных изваяний на южном побережье Иссык-Куля: “... эта баба свидетельствует, что художник, а следовательно, и народ ее создавший, имел уже некоторое представление о размерах или пропорциональности в искусстве” [10], а с другой – только прочтение надписей на ней способствовало раскрытию точного определения датировки каменных скульптур и их этнической принадлежности: “Правильное объяснение значения каменных скульптур становится возможным лишь только после расшифровки надписей, сделанных на тюркском языке и руническими письменами. С этого времени они стали называться тюркскими, а их хронология определена VI – IX веками” [11].

При описании источниковых материалов археологи довольно часто определяют их меру насыщенности значимой информацией, чаще всего уже предполагая интерпретационные реконструкции. “Каждый из девяти известных нам кладов времени кочевников-саков, найденных на территории Кыргызстана, содержит колоссальную информацию о самых различных сторонах культурной и производственной жизни населения Кыргызстана в VI–III вв. до н.э. Полное исследование еще предстоит...” [12].

Автор количественной теории информации К. Шеннон с помощью вероятностно-статистических методов обосновал положение: чем больше мы получаем информации, тем меньше становится степень неопределенности того или иного объекта, явления или процесса.

Например, о местонахождении города Чигу, одного из древнейших городов кочевников, Н.А. Аристов в своем труде “Усуни и кыргызы или каракыргызы” представил противоречивые мнения таких исследователей, как Дегинь, отец Иокинг, Клапрот, П.П. Семенов Тянь-Шанский, которые долгое время оставались на уровне гипотез. Исследования продолжили историки Кыргызстана: “...лишь с появлением специального оборудования для подводного плавания это стало действительно возможным”.

В 1959 г. воды Иссык-Куля были исследованы подводной археологической экспедицией Д.Ф. Винника. После этого вот уже много лет работы на озере ведутся под руководством академика В.М. Плоских. В ряде исторических работ, написанных В. Плоских и В. Мокрынин прослеживается изучение поставленной проблемы, начиная с Семенова-Тянь-Шанского (1857) до настоящего времени. Самые разные источники информации, найденные исследователями, позволяют не только ставить гипотезы, но с каждым годом давать все новые и новые подтверждения [13].

Приступая к исследованию источников, историк должен знать историческую обстановку, своеобразие мышления и особенности передачи информации в изучаемую эпоху, владеть специальными знаниями, необходимыми для работы с документами избранного периода. Очень часто в документах встречается информация о тех или иных событиях, сущность которых не раскрыта, но представляет

интерес. М.Н. Федоров пишет о единственном свидетельстве о междоусобной войне 1012–1016 гг. в государстве караханидов в “Летописи года четырехста тридцать второго” (XI в.), которое вызывает много вопросов, рукописи же этого периода хранят молчание, но “события эти не погибли для истории, до наших дней сохранились свидетели, немногословные и беспристрастные. Это – караханидские монеты того времени. Благодаря данным нумизматического порядка, были не только установлены имена действующих лиц, скрывавшихся под титулами хана и илига, но и ход, и хронология событий, расстановка сил в этой войне и, наконец, условия мирного договора” [14].

Кроме атрибутивных (неотрывность от материального носителя, дискретность, непрерывность) и прагматических (ценность, новизна, полнота, достоверность), в изучении истории реализуются и динамические свойства: стремление к постоянному и непрерывному росту и использованию рассеянной информации по различным источникам. Это наблюдается во многих исторических исследованиях Кыргызстана.

В процессе ретрансляции информации особое значение приобретают этнические символы, в которых аккумулируются консолидирующие этнос смыслы и значения, идеалы и ценности. В последнее время стала развиваться информационная теория этноса, обоснованная в работах С.А. Арутюнова. Он полагает, что этнические общности прежде всего являются общностями, основанными на информационных связях. Способами передачи информации являются, с точки зрения этого автора, прежде всего традиции, языковые коммуникации, совокупность доминантных символов. Это вся культурная традиция народа, его творческое наследие, передаваемое из поколения в поколение, в словесной, а также материально-изобразительной форме.

В подтверждение этой позиции можно привести примеры из этнографических исследований Кыргызстана. Это и величайший памятник духовной культуры кыргызов – эпос “Манас”, солярные знаки, тип жилища, покрой одежды, мотивы орнамента, украшение деталей конской сбруи и оружия, ювелирные изделия и многое другое. Например, С.М. Абрам-

зон, обращаясь к “Манасу” как этнографическому источнику, писал: «Именно “Манас”, как колоссальный по своему объему эпический памятник, бытующий у народа, за плечами которого стоит богатая событиями многовековая история, открывает необычайно широкие возможности для постановки и разрешения этнографических проблем, как частного порядка по отношению к данному памятнику, к киргизской этнографии, так и более общего плана – разработки теоретического подхода к изучению подобного типа произведений устного творчества» [15].

И. Молдобаев, рассматривая историю кыргызского этноса, неоднократно адресуется к эпосу “Манас”, что можно проследить при помощи контент-анализа: “кыргызы называются сорокаплеменным народом...”, «“Манас” является неплохим источником для изучения шаманизма у кыргызов», в эпосе “врагами кыргызов называются кара-кытай (наряду с калмаками)”, “истоки культуры кыргызов ведут в Южную Сибирь и Центральную Азию” и мн. др. [16]

Большое количество наскальных рисунков с самыми различными обозначениями – от простых кругов до солнца-символа: солнце-бык, солнце-олень, солнце-козел, солнце-человек убеждает в том, что поклонение солнцу у иссык-кульских кочевников было ведущей формой религии [17].

Информационный аспект, подтверждающий, что материальная культура кыргызов была подчинена принципам кочевого скотоводства и патриархально-родового быта, можно увидеть в жилище кыргызов – юрте, которую отличает простота устройства, практическая целесообразность и определенный порядок в установке: “Юрта составляет незаменимое жилище. Ее можно быстро разбирать и переносить в другое место, в то же время она служит достаточной защитой от холода, зноя и непогоды. Действительно, в юрте, в то время когда горит огонь, довольно тепло даже в самый сильный мороз... летом войлочная оболочка такого жилища отлично защищает от жары и дождей, хотя бы самых проливных” [18].

Для людей, изучающих историю на непрофессиональном уровне, очень важна информация в сжатом виде с максимальным диапазоном временных рамок и отсутствием раз-

рыва информации. Решение этих информационных задач ставит перед собой популярная историческая энциклопедия “Наш Кыргызстан”, в которой “хронологические рамки охватывают период почти в миллион лет. Изложены важнейшие события Древности, Средневековья, Нового времени, рассказано о выдающихся личностях, оказавших влияние на ход истории или оставивших яркий след в прошлом” [19].

Бурное развитие информационных технологий привело к тому, что они начинают играть качественно новую роль в гуманитарных науках.

Впервые о необходимости использования теории информации в исторических исследованиях еще в конце 70-х – начале 80-х гг. высказались И.Д. Ковальченко [20] и В.И. Бовыкин, [21] рассматривая исторический источник прежде всего как источник информации. “Подход к историческим исследованиям с позиций теории информации приводит к изменению основного объекта исторического исследования. Если ранее в качестве объекта рассматривался источник как носитель открытой информации, то теперь основным объектом изучения становится не зафиксированная в источнике в знаковом виде часть информации, а вся информация, в том числе скрытая, латентно присутствующая в источнике” [22]. Если мы представляем изучение истории не только как процесс информирования, а ставим осознанную цель достижения полноты, достоверности, ценности, полезности информации, то в современных технологических условиях необходим информатизационный подход с применением качественно-качественных измерений. Основанные на математике и системном анализе, проверенные на практике методы обработки информации (квантовые модели социально-исторических процессов, методы классификации, кластеризации, регрессии и др.) являются эффективным способом исследования историко-культурных явлений.

Если говорить об археологической информации, то она уже много лет предлагает использование определенных моделей данных (форму исследуемого объекта, тексты, рисунки, чертежи и мн. др.). Именно об этом писали историки и археологи Кыргызстана уже в кон-

це XX века: “существующие ныне количественная и качественная характеристики отечественного культурного наследия уже сейчас требуют переосмысления и уточнения в цифрах, формулировке и переоценке историко-культурной значимости некоторых памятников с учетом современных проблем наследования культуры прошлого во взаимодействии с природой и различными цивилизациями, с использованием передовых методов естественно-научных знаний в изучении общественных процессов” [23].

Постоянно используются и детализируются методы классификации каменных изваяний, изначально предложенные А.И. Бернштамом, который в их основу положил технику изготовления памятников [24]. Занимаясь этой проблемой, Я.А. Шер, а затем В.П. Мокрынин в классификации расширили исходные положения, взяв за них изобразительный канон [25].

Необходимость совершенства критериев математического порядка, которыми «пользуются при определении различных “эталонов” для тех или иных статистических подсчетов» подчеркивали В.А. Ранов и М.Б. Юнусалиев, при изучении характера и возраста палеолитической культуры на территории Кыргызстана [26].

Для эффективности описания исторической ситуации используется системный анализ, который в современных условиях уже не мыслится без знания точных наук, так как количественные отношения, предлагаемые математикой, могут дать более совершенную модель для исторического исследования.

Понимание истории как информационного процесса подводит нас к постижению того, что владение информационной культурой является уже не пожеланием, а объективной внутренней исторической необходимостью. Исходя из этого, в КРСУ на гуманитарном факультете создана лаборатория исторической информации как структурное подразделение кафедры истории и культурологии. Научное и практическое направление лаборатории связывается с использованием новых технологий и математических методов в исторических исследованиях и образовательном процессе.

Литература

1. *Юзвизин И.И.* Основы информациологии. – М., 2001. – С. 585.
2. *Соснина Т.Н., Гончуков П.Н.* Словарь трактовки понятия “Информация”. – М., 1997. – С. 48.
3. *Зубов Ю.С., Сляднева Н.А.* Человек в пространстве и времени: информационный аспект проблемы // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее. – Краснодар, 1996. – С. 13.
4. *Можяева Г.В.* Информация в истории: исторические аспекты информациологии. – С. 165.
5. Русские путешественники и исследователи о киргизах. – Фрунзе, 1973; История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. – Фрунзе, 1984–1990; Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975; Арабо-персидские источники о тюркских народах; Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973; Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1973; По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Фрунзе 1982 и др.
6. *Абрамзон С.М.* Вопросы этнической истории киргизской народности // Кыргыз. Источники. История. Этнография. – Бишкек, 1996. – С. 420.
7. *Караев О.* Этнический состав и формирование кыргызской народности // Там же. – С. 463.
8. Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973. – Т.1. – С. 3.
9. Памятники культуры и искусства Киргизии: каталог выставки. – Ленинград, 1983.
10. Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975. – С. 20.
11. Там же. – С.23.
12. *Мокрынин В., Плоских В.* Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. – Бишкек, 1992. – С. 48.
13. *Мокрынин В.В., Плоских В.М.* Иссык-Куль: затонувшие города. – Фрунзе, 1988; *Плоских В.М.* Атлантида Центральной Азии – тайна великого шелкового пути. – Бишкек, 2004.
14. *Федоров М.Н.* Междоусобная война 1012–1016 гг. в государстве караханидов (нумизматические данные к истории Киргизии) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1975. – С. 102–103.
15. *Абрамзон С.М.* Киргизский героический эпос “Манас” как этнографический источник (к постановке проблемы изучения) // “Манас” – героический эпос киргизского народа. – 1968. – С. 204.
16. *Молдобаев И.* Происхождение этнической культуры кыргызов (III в. до н.э. – XV в. н.э.) // Кыргыз. Источники. История. Этнография. – Бишкек, 1996. – С. 485–520.
17. Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975. – С. 93–94.
18. *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. – М., 1946. – Т. 1. – С. 69.
19. Наш Кыргызстан: Популярная историческая энциклопедия (с древнейших времен до конца XIX века) / Автор акад. В.М. Плоских. – Бишкек, 2004.
20. *Ковальченко И.Д.* Исторический источник в свете учения об информации // История СССР. – 1982. – №3.
21. *Бовыкин В.И.* Проблемы изучения исторической информации (К вопросу об информационном источниковедении) // Информационный бюллетень Ассоциации “История и компьютер”. – М., 1998. – № 23. – С. 8–9; *Бовыкин В.И.* К вопросу о закономерностях фиксирования исторической информатики в письменных источниках // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. – М.; Чебоксары, 1999. – С. 329–336.
22. Источниковедение / Под ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1983.
23. *Горячева В.Д., Деев В.И., Перегудова С.Я.* Памятники истории и культуры города Бишкека. – Бишкек, 1996. – С. 7–8.
24. *Бернштам А.Н.* Историко-культурные очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л., 1952. – С. 145.
25. *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л., 1966. – С. 25–26; *Мокрынин В.П.* Каменные изваяния – памятники древних тюрков. – Фрунзе, 1979. – С. 7–8.
26. Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975. – С. 48–49.